

**К вопросу о политико-правовой обоснованности института реституции в
российском гражданском праве**

Научный руководитель – Пчелкин Александр Владимирович

Маслов Владимир Владимирович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - Нижний
Новгород, Факультет права, Нижний Новгород, Россия

E-mail: volodia-maslov@mail.ru

В качестве самостоятельной охранительной меры реституция неизвестна большинству континентальных правопорядков, а имущественные последствия недействительных сделок в них устраняются при помощи норм о неосновательном обогащении. В связи с этим представляет определенный интерес вопрос о том, насколько обоснованно наличие института реституции в отечественном праве и должен ли он быть сохранен *de lege ferenda*.

Для ответа на него нужно определить, какие конкретно аспекты недействительности сделок нормы о реституции регулируют иначе, чем это делали бы нормы о неосновательном обогащении, и какое регулирование удачнее с политико-правовой точки зрения. Мы выделили три таких аспекта: двусторонний характер реституции, возможность ее применения по инициативе суда, необязательность наличия обогащения. Дальнейшее изложение полагаем целесообразным построить в соответствии с ними.

Двусторонний (синналагматический) характер. Двусторонний характер реституции выражается в том, что (а) решение суда по недействительной сделке должно непременно разрешать вопрос об обязанности каждой из сторон вернуть все полученное по ней^[1] и (б) к возврату сторонами всего полученного могут быть применены правила ст. 328 ГК РФ о встречном исполнении обязательств^[2]. При этом часто высказываются предложения по укреплению синналагматического характера реституции, чтобы сторона недействительной сделки не могла требовать возврата полученного по ней, пока сама не исполнит соответствующую обязанность.

Мы же полагаем, что синналагма в реституции отнюдь не является тем благом, к которому нужно стремиться. Покажем это на конкретном примере.

Допустим, А и В заключили договор купли-продажи движимой вещи и исполнили его. Договор оказался недействительным. Соответственно, А должен вернуть В уплаченную цену, а В возвращает А вещь. При нормальном течении оборота и достаточности имущества обязанности будут исполнены вне зависимости от их синналагматического характера. При ненормальном развитии оборота (банкротстве одной из сторон) ситуация следующая: в случае банкротства В собственник вещи А в любом случае сможет забрать ее как не попавшую в конкурсную массу, а в случае банкротства А денежное требование В попадет в реестр кредиторов А, при том что вещь он должен будет вернуть. Если же исходить из синналагматического характера реституции, то В, вернув вещь, должен будет удовлетвориться из имущества А приоритетно перед другими кредиторами.

То есть фактически вся разница состоит лишь в том, несет ли покупатель риск банкротства продавца при недействительности договора. Мы не видим ни одного политико-правового резона, почему следует путем двустороннего характера реституции освободить его от этого риска и давать ему тем самым приоритет перед другими (в том числе деликтными) кредиторами продавца.

Возможность применения по инициативе суда. Действующее законодательство (п.4 ст. 167 ГК РФ) предоставляет суду возможность применить последствия недействительности сделок по собственной инициативе для защиты публичных интересов. По мнению ВС РФ, к числу таких последствий относится и реституция [3].

Полагаем, что реституция затрагивает интересы только самих сторон сделки и может быть необходима только для защиты их интересов. Какой-то публичный интерес в ее применении можно разглядеть только, если одной из сторон сделки является публично-правовое образование. Однако даже здесь полагаем инициативу суда неприемлемой: мало того, что происходит ничем не обоснованное отступление от принципа диспозитивности гражданского процесса, так еще и фактически поощряется бездействие публичных органов путем переложения их обязанностей по истребованию имущества на суд.

Наличие обогащения на стороне приобретателя. Для применения реституции не имеет значения, имеется ли обогащение на стороне приобретателя; важно лишь, что произведено исполнение недействительной сделки. Если бы имущественные последствия недействительных сделок регулировались нормами о кондикции, это регулирование было бы более уместным.

Допустим, А продал индивидуально-определенную вещь В. В впоследствии подарил эту вещь С. Договор купли-продажи недействителен. Очевидно, В не может считаться неосновательно обогатившимся за счет А, поскольку никаких прав на вещь у него не было ни до, ни после дарения. Поэтому кондикционное притязание А к В здесь не возникло бы, а реституционное возникает в силу прямого указания закона (ст. 167 ГК РФ). Соответственно, А вполне может взыскать с В стоимость вещи, так же как и В может взыскать с А уплаченную цену. После этого ничего не мешает А еще и виндицировать свою вещь у С (вследствие недействительности купли-продажи А так и остался ее собственником). Вряд ли такой правовой результат (А вернул себе и деньги, и вещь) можно назвать справедливым. Странно, что высшие судебные инстанции не торопятся урегулировать этот вопрос (Пленум ВАС разрешил его только применительно к недействительности сделок при банкротстве [4]). Использование кондикции вместо реституции позволило бы избежать таких нежелательных результатов.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что институт реституции в существующем виде отечественному правопорядку не нужен. Имущественные последствия недействительных сделок гораздо более удачно могут быть урегулированы нормами о неосновательном обогащении.

Помимо прочего, такое законодательное решение устранил существующие в настоящее время, однако совершенно не оправданные различия в правовых последствиях недействительных и несостоявшихся сделок.

Источники и литература

- 1) Пункт 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // СПС КонсультантПлюс.
- 2) Абзац 5 п. 29.5 Постановления Пленума ВАС от 23.12.2010 г. №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.
- 3) Пункт 79 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

- 4) Абзацы 4,5 п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.